

В память
о Теодоре Риске

* 25 марта 1996 года
† 31 июля 2012

Пролог

3 августа 2012 года

Эрика Андерссон всегда недолюбливала воду. С душем проблем не было. Как и с тем, чтобы час-другой провести в ванне с хорошей книгой. Напротив. А вот что она никогда не любила, так это *купаться*. То есть плескаться, плавать или чем еще люди занимаются в воде, когда не греются и не моются.

Дело было не в том, что Эрика не умела плавать, хоть она и не хвасталась всем подряд своим умением. Когда кто-то говорит, что умеет плавать, то обычно предполагается, что человеку не составит труда проплыть двести метров, не сильно наглотавшись воды, а до такого ей было далеко. Тем более на холодной открытой воде, с волнами, медузами и мерзкими рыбами.

Все же она поддалась уговорам и запихнула все свои килограммы в маленький каяк, такой узкий и неустойчивый, что она чудом до сих пор оставалась на плаву. Она буквально сидела в воде. В холодной темной воде, которая бурными волнами будто подступала к ней со всех сторон, перехлестывая через борта.

Миккель утверждал, что на каяке почти невозможно промокнуть. Он на полном серьезе, глядя ей в глаза, уверял, что ей максимум немного забрызгает руки до локтя.

В его словах не было, конечно, ни грамма правды — типично для Миккеля, особенно когда ему в голову приходила блестящая, по его мнению, идея. В последний месяц он только и нудел о том, как было бы прекрасно выбраться и встретить рассвет на каналах Копенгагена, слиться с водой.

Слиться с водой. Боже...

Но чего не сделаешь ради любви. Ведь за Эрикой не стоит очередь из желающих, да и, если честно, Миккель был совсем из другой лиги. Он не только хорош собой, но и успешен: программист с зарплатой, о которой большинство может лишь мечтать.

Единственная трудность заключалась в том, что он датчанин, и ей пришлось покинуть Хельсингборг. Хотя на самом деле это не проблема. По сравнению с ее попытками поставить каяк на ровный киль.

Казалось, он мог перевернуться от малейшей ряби, и у нее уже болели мышцы корпуса. О руках и плечах даже думать не хотелось. Вопрос в том, останутся ли они вообще на своих местах после гребли по сверхамбициозному маршруту Миккеля.

— Ты что, не видишь, как здесь красиво? — прокричал он спереди.

Она кивнула. И правда красиво. Она действительно увидела Копенгаген с совершенно другой стороны. Но наслаждаться видами ей все-таки было непросто. Особенно после того, как они оставили позади спокойный, идиллический канал Вилдерс и вышли в самую гавань, где было совсем другое движение и, соответственно, другие волны.

Она не понимала, зачем он тащит ее на открытую воду. Но, конечно, теперь он хочет воспользоваться случаем и показать ей все, раз им наконец удалось выбраться куда-то вместе. А может, на самом деле у него совсем другие планы?

Такой ход мыслей ей не нравился, но она, очевидно, не могла его контролировать. Мысли жили своей жизнью и уже раскручивались в полную силу.

В последнее время Миккель стал необычайно раздражительным, и они уже почти месяц не занимались сексом. Сначала она воспринимала это как временный кризис. Но все только усугублялось. Честно говоря, никогда еще их отношения не были настолько плохими как сейчас, в разгар отпуска.

Что, если он от нее устал? Поэтому задумал это все? Поэтому вытащил ее на эту чертову прогулку? Чтобы ей стало до такой степени некомфортно, и она сама прервала отношения. Потому что ему не хватало решимости. Фу, как трусливо!

Да и он к тому же слишком хорош, чтобы их отношения были правдой. Ей так казалось с самого начала. Как странно, что он выбрал именно ее.

Она могла действовать на нервы. И прекрасно это осознавала. Особенно когда вбивала себе что-то в голову. И у нее не получалось переключиться, пока не становилось слишком поздно. Как в тот раз, когда она была твердо уверена, что он ей изменяет, и при первой возможности шерстила его компьютер и мобильный, не найдя ничего подозрительного.

Если бы только она смогла успокоиться, то все было бы нормально. Но нет, конечно, она посчитала блестящей идеей два дня спустя устроить за ним слежку, как в старом шпионском кино, чтобы убедиться, действительно ли он отправился на встречу с тем приятелем. И, естественно, она себя выдала, а он, естественно, ужасно обиделся. Нет, даже впал в ярость. Точно как тогда, когда она слишком много расспрашивала о его бывшей девушке, погибшей в автокатастрофе.

— А вот новое здание Оперы! — сказал он и указал в сторону массивного здания.

— Очень красиво, — прокричала она в ответ. — Слушай, может, повернем назад?

— Нет, ты что, не видишь, какая вода — спокойная и умиротворяющая?

— Да, но, может, хватит на сегодня? У меня уже устают руки.

— Ну, вот ты их и потренируешь.

— Но Миккель, я не чувствую себя безопасно. Понимаешь? Мне страшно, и я больше не хочу. Я только хочу на берег.

— Эрика, обещаю тебе. Здесь нечего бояться.

Затем последовала та самая улыбка, от которой Эрика таяла и была готова на что угодно. На ее волю это действовало как криптонит на Супермена, и ей ничего не оставалось, как, вздохнув, продолжать грести мимо Оперы и дальше, в гавань.

Точно так же он улыбался в тот раз, когда подошел и предложил ей выпить. Они с приятелями отдыхали на вечеринке в Копенгагене, и она сразу так влюбилась, что через две недели уволилась и переехала в датскую столицу.

Она не прислушалась к маминым причитаниям о том, что, наверное, все случилось как-то быстро, и предупреждениям о том, что они едва знакомы. По крайней мере, тогда.

— Доплывем только до Реффена* и повернем назад, — крикнул он еще через пару сотен метров, — о'кей?

— Не знаю, хочу ли, — ответила она. — Seriously, Миккель. Он все время норовит перевернуться и...

— Нет, он не перевернется. Тебе нужно просто расслабиться и продолжать грести, спокойно и ритмично.

Почему он не может просто с ней расстаться и попросить съехать, если ему правда так этого хочется? Да, она бы расстроилась и совершенно точно разозлилась. Начала бы

* Крупнейший рынок уличной еды на полуострове Рефсхалееэн в Копенгагене.

кричать и обвинять его во всем подряд. Вероятно, даже разбросала бы вещи вокруг.

Но в конце концов она бы смирилась и вернулась домой в Хельсингборг, даже если и связалась бы с ним еще пару раз, прежде чем окончательно опустить руки. Ничего более страшного не случилось бы, если ему нужно от нее именно избавиться.

Он просто боится. Другого объяснения нет. Конечно, она — человек с характером, с этим не поспоришь. Но это все ничто по сравнению с его темпераментом.

К тому же некоторые случаи ее не на шутку напугали. Особенно тот раз, когда она грозилась подать на него заявление об изнасиловании, если он не даст ей спать. Тогда он так сильно ударил кулаком в стену всего в нескольких сантиметрах над ее головой, что там образовалась дыра.

Но это в прошлом. В настоящем он перестал проявлять желание.

Озарение, зачем это все затевалось, настигло ее пару минут спустя, когда в нескольких километрах впереди она увидела направлявшийся в порт круизный лайнер. Внезапно она ясно поняла, в чем заключался его план.

Вместе с озарением пришла паника.

— Смотри! — закричал он, в то время как она пыталась найти выход, прочь от этого кошмара. Прочь от него, назад в Швецию. — Белые скульптуры! — Он показал на белоснежные скульптуры, расположенные в ряд вдоль пристани.

Конечно, он заметил, что она его раскусила, и теперь изо всех сил старался ее отвлечь. Действительно скульптуры были очень красивы, во всем своем великолепии взиравшие на воду и бросающие вызов погоде и ветрам. Но она только бегло на них взглянула. Ее внимание было направлено на круизный лайнер.

Скорее всего, далеко он не пойдет, а встанет на якорь у пристани Лангелиние. Но волны от него разойдутся и по

гавани, и хоть она их пока не видела, но была убеждена, что прямо сейчас они направляются к ней.

Она точно перевернется, она чувствовала это всем телом, а в таком случае шансов у нее не останется. И он прекрасно об этом знал. С каким же психопатом она встречается? Неужели вот так он поступал каждый раз, когда от них уставал? Подстраивал все так, чтобы они сгнули при странных обстоятельствах?

Вот почему им нужно было оказаться на более-менее открытой воде с не более чем одним свидетелем поблизости. Все должно выглядеть просто как очередной несчастный случай. Еще один едва умеющий плавать беспечный идиот, который стал цифрой в статистике.

— Помогите! — закричала она и начала грести к берегу. — Помогите!

— Эрика, что ты делаешь?

Не переставая грести, она посмотрела через плечо и впервые увидела волну. Вернее, волны. Она разглядела три штуки — в десятках метров друг от друга. На таком расстоянии они не казались разрушительными, но двигались быстро и приближались с такой скоростью, что та пугала сама по себе.

— Эрика!

Она гребла изо всех сил, но как не слушался. Вместо того, чтобы скользить вперед, его упорно поворачивало то вправо, то влево. Черт, черт, черт! Почему только она не послушала свою мать? Почему не замечала знаки, которые сейчас стали такими очевидными? Как она могла быть такой наивной?

А вот и она.

Точно как Эрика и ожидала.

Теперь она почувствовала, какая волна на самом деле большая, когда их притопило вместе с кормой каяка, наклонив вбок, чтобы спустя мгновение поднять на дыбы. Ах, черт, — последнее, что она успела подумать, прежде чем все завертелось.

Она зажмурилась. Будто никакой опасности нет, пока ничего не видишь. Но как бы сильно она сейчас ни жмурилась, она была под водой, темной и холодной, вниз головой, висела в каяке. Она слышала, как можно выбраться, сделав эскимосский переворот*, но ей хватило одной попытки, чтобы осознать его невозможность. К тому же у нее застряли колени.

Значит, так все кончится. В подвешенном состоянии вниз головой под водой. Станным образом она была довольно спокойна. Как будто паника, которую она раньше испытывала, отпустила ее. Наверное, потому что она перестала надеяться и в каком-то смысле приняла свою судьбу.

Она не знала, сколько провела под водой, но явно всего секунды, раз ей до сих пор не хотелось вдохнуть. Может, так бывает перед концом. Секунды идут медленно и время как будто тянется.

И вот впервые в жизни она открыла под водой глаза. Раньше она никогда не решалась, но сейчас терять уже было нечего. Если она скоро умрет, то почему бы не сделать это с открытыми глазами.

Глазам было совсем не так больно, как она ожидала. Вообще почти ничего не ощущалось. И было не так уж темно. Скорее даже светло. Вокруг все светло-зеленое. Мутное.

Тут ей стало не хватать воздуха. В тот момент, когда она запрокинула голову назад, чтобы посмотреть вниз, и увидела в паре метров внизу наискосок от себя машину, ей захотелось вдохнуть, и вернулась паника.

Задняя часть машины лежала на большом бетонном блоке, в то время как передняя часть свисала в полуметре от морского дна. Стекла были опущены, и на заднем сиденье качалась обнаженная женщина с длинными темными воло-

* Прием постановки перевернувшегося легкого плавсредства (каяк, байдарка, пакрафт) на ровный киль при помощи рывка бедрами или опоры на весло.

Стефан Анхем

сами, как в рекламном ролике, если бы не ее раскрытый рот и выпученные глаза.

В это мгновение далеко над ней из-за тучи вышло солнце, видимость улучшилась, и она разглядела мужчину в смокинге с опущенной на руль головой.

Больше она толком ничего не успела рассмотреть — ее вытащило обратно на поверхность. Почти ничего, кроме того, что от затылка у мужчины осталась по большей части дыра с кровавой массой.

Часть 1

3–5 августа 2012 года

Нас много — тех, кто надеется, что в конце концов победит добро, и мы осознаем, что вместе мы сильнее всего. Что несмотря на разный цвет кожи, культуру и религию мы одно целое и сообща сможем победить несправедливость, спасти климат и в перспективе достичь того, чтобы на Земле наступил мир.

Увы, это утопия. Тот мир, который нам знаком, не строится на мечте о счастливом конце. Протянуть руку и помочь слабому — привлекательная мысль. В теории.

На самом деле в мире действуют совсем другие силы. Как только у нас появляется что-то ценное, кто-то другой хочет у нас это отобрать. Когда что-то здорово, что-то другое стремится сделать это больным. Это работает везде: от борьбы клеток в вашем теле до звезд, которые взрываются и превращаются в черные дыры.

Согласно китайским исследователям, деструктивное поведение человека объясняется размером мозга. Говоря по-простому, он достаточно большой, чтобы изобрести атомную бомбу. В то же время он слишком мал, чтобы осознать последствия этого.

Другая теория говорит, что не добро в целом является гарантией существования и выживания. Не оно отвечает за естественный отбор, постоянное развитие и совершенствование, что, в свою очередь, позволяют льву выжить в саванне, а дереву вытянуться еще чуть выше к солнцу.

Стефан Анхем

Другими словами, не добру мы обязаны тем, что прошли
путь от планктона к рыбам и дальше до человека.

А злу.

Это его нам нужно за все благодарить.

Зло в его абсолютной форме.

1

Старый, ветхий кирпичный дом на западном берегу озера Санкт Йоргенс в самом центре Копенгагена был полон парадоксов. С одной стороны, он был настолько непримечателен, что мало кто из жителей Копенгагена, когда-либо прогуливавшихся вокруг озер, вообще его замечал. С другой стороны, несмотря на скромные размеры, его выделяло своеобразное величие и стремление привлечь внимание.

В частности, выделялся он выкрашенным в черный, смотрящим на юг фасадом, с барельефом в виде большой белой пешки. И железной крышей, которую по углам тоже украшали черные пешки. Никто не знал, почему и что это значит. В доме никогда не существовало никакого шахматного клуба. Да и никто сильно заинтересованный в шахматах им не владел. Возможно, пешки символизировали, что даже самый слабый вопреки всему может стать достаточно сильным, чтобы однажды превратиться в ферзя.

Внутреннее убранство дома тоже производило противоречивое впечатление. Помимо пары ниш, ванной комнаты и кухоньки, он состоял из одной комнаты. Комната эта, благодаря белому деревянному полу, открытой светлой планировке, чрезмерно высокому потолку и большим витринным окнам, в свои самые удачные моменты могла показаться крупнее самого здания.

Но уже месяц, как она вызывала скорее клаустрофобию — набитая таким количеством электрического оборудования, комната больше напоминала студию электронной музыки, втиснутую в кабину самолета, чем просторное ателье.

Вдоль всей передней стены, под окном с мелкой расстелкой на потолке, вплотную стояли рабочие столы, заставленные компьютерами, мониторами, несчетным количеством рэковых стоек с мигающими светодиодами и электроплатами, соединенными с другими приборами тонкими разноцветными проводами.

Стены по бокам были завешаны большими белыми досками. На одной из них крупные буквы гласили: «Ким Слейзнер». Под ними висели фотографии, все сделаны издали, на всех увеличенное изображение мужчины — как он направляется в полицейское управление в Копенгагене и покидает его, как стоит и разговаривает по мобильному или сидит в машине, ожидая зеленого света.

На другой доске располагались разные диаграммы в виде столбиков и линий, а еще множество помеченных буквами телефонных номеров с указанием времени. Рядом к большой карте Копенгагена были прикреплены разные флажки, также помеченные буквами.

Для непосвященного все это наверняка выглядело как сплошной хаос. Но там была система, структура того, как пользоваться всеми пометками со стрелками, сокращениями и символами, и как для достижения наилучшего охвата и контроля должны быть расположены и подсоединены электронные устройства.

Как всегда, в такое раннее время суток здесь царило своего рода контролируемое спокойствие. Будто все вместе образовывало один большой спящий организм с таким редким пульсом в покое, что его едва можно было зафиксировать. Безусловно, многие из сотен диодов мигали, но в довольно неспешном ритме. Они медленно увеличивали и уменьшали силу свечения, как будто находились